

граждан, — таков смысл суждений Сумарокова на эту тему. В этом отношении Сумароков гораздо ближе, чем его старшие современники, к мировоззрению ранних течений сентиментального характера. Ведь и его трагедии сочетают эстетические основы классицизма с тенденциями морализма и культа добродетели и эмоциональной «душевности», свойственными раннесентиментальной драме.

Сумароков настаивает на реальной и конкретной пользе искусства; оно, по его мнению, морально и общественно воспитывает людей, показывая им примеры положительные и отрицательные. Пользу искусства он понимает прямолинейно: так, он пишет комедии для московского театра, потому что, на его взгляд, пороки в Москве чрезвычайно умножились, — и он явно верит в то, что хорошая доза сатирических комедий быстро ликвидирует зло, распространившееся в общественных нравах. Писатель, по его мнению, это нравственный воспитатель и политический руководитель общества. И каждый поэтический жанр, даже такой, как эклога, не говоря уже о комедии или сатире, Сумароков «оправдывает» его нравственно-воспитательной целью (комедия «издевкой правит нрав!»; эклога дает примеры чистой нравственной и здоровой любви естественных людей; сатира исправляет социальные пороки и т. д.). Искусство и для него — это не личное дело, а гражданская функция, и не только поэзия, но и изобразительные искусства. В «Слове на открытие академии художеств» он нападает на тех некультурных людей, которые не видят пользы от искусства и приравнивают живописцев и скульпторов к ремесленникам, делающим куклы. Он, напротив, так доказывает пользу этих искусств: «Не может ни история, ни поэзия изъяснити телесных качеств геройских; пиктура (живопись) и скульптура в сем им помоществуют. А телесные качества великих людей, начертываясь в умах наших, оживляют изображения душевных качеств и придают охоты к подражанию оных, ибо в телесных видах сокрываются тончайшие качества душевные. . .». «А таковые виды умножают геройский огонь и любовь к отечеству». Изображения искусства, «хотя они и вымышлены, служат познанию естества, подражанию великих дел, отвращению от пороков и всему тому, чего человечество к исправлению требует». Гражданственно-моральное понимание художественного творчества порождает в мировоззрении Сумарокова идею нравственной и общественной ответственности поэта, требования правдивости, истины, предьявляемые к поэзии. Он и себя, как поэта, с гордостью определяет тем, что он «не был никогда на свете двуязычным», и тем, что «во истине перо омычно мое» («Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Борщовой»), и ниже: «. . . кому приятна честь, Не станет никому стихи тот ложно плесть. . .». Сумароков и Вольтера-трагика высоко оценил за то именно, что он придал трагедии учительно-гражданственный, просветительный харак-